

ИНГА
МАКСИМОВСКАЯ

У
Ы МНЕ
не отец!

Инга Максимовская

Ты мне не отец

«Инга Максимовская»

2023

Максимовская И.

Ты мне не отец / И. Максимовская — «Инга Максимовская»,
2023

– Это же мой сын? Он просто моя копия. Не отпирайся. – Каким это образом, интересно? Для того чтобы мой ребенок появился на свет, мы должны хотя бы быть знакомы не менее шести лет. Вы вроде взрослый мужчина, а не знаете элементарных вещей, – скалюсь я, умирая от ужаса. Ведь если этот беспринципный мерзавец копнет чуть глубже в прошлом, я лишусь моего мальчика. Он отец, а я... – Не знаю, как ты провернула эту аферу. Но, уж поверь, выясню, как так вышло, куколка. То, что мое по праву, заберу, а тебя накажу... Так как? Ты согласна с моими правилами игры? Мне достался в наследство не особняк и не счет в банке, а маленький мальчик, за которого я готова отдать жизнь. Пять лет назад моя мама умерла в родах, оставив мне самое большое сокровище. Имя отца ребенка она сохранила в тайне. Но все тайное рано или поздно становится явным.

© Максимовская И., 2023

© Инга Максимовская, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Инга Максимовская

Ты мне не отец

Пролог

– Ты ведь понимаешь, девочка, что ставишь крест на своей жизни? – на меня смотрят уставшие глаза женщины-врача. Я вообще не знаю, как она выдерживает царящий в стенах детской больницы для отказничков, беспросвет. – Сколько тебе?

– Двадцать. Почти, – говорю я твердо. – И ваши нравоучения ничего не изменят. Я обещала маме, что не оставлю малыша. Она его очень ждала. Умерла, произведя на свет. Это мой ребенок.

– Он твой брат, не ребенок. Твоя мать эгоистично его родила, ни с кем не советуясь, даже не потрудившись сообщить кто его отец. Я хочу, чтобы ты еще сто раз подумала, Лилия. Этот ребенок... Он разрушит тебя. Ты подписываешься под чужой жизнью, и хоронишь свою. В твоей судьбе не будет ни собственных детей, ни мужчины нормального, ни будущего. Никому не нужны женщины с прицепом. Этот мальчик, не нужен даже собственному отцу. Не растворяйся в нем.

– Это все такая чушь. Я готова к трудностям. И все документы в норме. Меня назначили опекуном, так что просто подпишите бумаги и я заберу Петеньку. Не могу думать даже о том, что он сейчас где-то там, один, в этом бараке продуваемом насквозь. Пожалуйста.

– Как вы жить будете? – дергает плечом врач. – Хоть соцпомощь оформи. Младенцу нужно много всего. А ты сама еще ребенок.

Я не ребенок, уже как два месяца. И этот малыш, за которого я бьюсь эти два месяца, единственное родное существо, оставшееся у меня на этой чертовой планете.

– Мы справимся, – упрямо твержу. Да, справимся. Я сдала мамину квартиру, выбила комнату в общежитии для семейных. На первое время нам хватит, а потом...

Я не знаю, что потом. Знаю только одно, что все делаю правильно. И я люблю этого маленького мальчика, который в своей короткой жизни еще не видел ничего, кроме казенных стен детского чистилища. А еще я знаю, что никогда и никому его не отдам.

– Привет, Петька, – улыбаюсь я спустя час, прижав к груди мое сокровище. Малыш молчит, смотрит на меня недетскими глазенками. Щечки у него покрыты диатезной корочкой. И мое одеяльце, которое я приготовила к выписке моего мальчика, у меня не взяли. Выдали в казенном, колючем. – Я твоя... мама. И у тебя будет все самое лучшее. Клянусь.

Глава 1

Пять лет спустя

Лилия

– Что у тебя снова произошло, бандит? – хмурюсь я. Петюня шагает рядом, громко сопит. И на его щеке ссадина, за которую я чуть не растерзала воспитательницу, пытающуюся мне доказать, что мой мальчик оторва и хулиган. – Нас скоро выгонят из сада. Что делать будем?

– Я не бандит. Я колсал, – отчаянно картавит мой корсар, и я с трудом сдерживаю улыбку. – Благолодный и доблый. А Вовке я вмазал за дело.

– Ну, естественно, – взываю я. – Что на этот раз?

– Он сказал, что у меня нет папы, и ты мне не настоящая мама. И что я этот, как его... Подкидыш. Так его мама говорила. Мам Лиль, это же плавда? Ну... Но все лавно, ты настоящая мама. Самая лучшая и доблая. Самая-самая на свете.

Сердце в моей груди екает, пропускает удар и тут же начинает колотиться так, что кажется я вот-вот оглохну от этого грохота.

– А ты самый любимый пират на свете, – присев на корточки шепчу я в родную белесую макушку. – И я или мама или Лилия. Договор?

– Договор, – серьезно кивает Петюша, смотрит на меня карими, похожими на две вишни, глазницами и я задыхаюсь от любви.

– Петь, посидишь сегодня с тетей Любой? Мне на работу надо срочно.

– Снова? Я думал мы собелем Лего и мультик будем смотреть в кловати и есть шоколадную пасту плямо из банки, как тогда. Помнишь? – вздыхает мой мальчик, так по-взрослому. Он все понимает, но хочет быть счастливым вот прямо сегодня. А я не могу ему дать желаемого. И от этого у меня во рту горько, а в душе целая буря.

– Завтра. Я даже в сад тебя не поведу, – обещаю я твердо. – Но сегодня ты мне пообещаешь, что тетя Люба не будет пить свои вонючие капли, потому что маленький пират исчез. Ты ее хоть предупреждай, что в прятки играешь.

– Я колсал, а не пилат. Это важно. А ты моя плекласная леди. Ладно, мы с тетей Любой плосто почитаем, обещаю. Но ты мне за это плинесешь киндел. Договор?

– Ах ты маленький шантажист, – разжимаются клещи, стягивающие мою душу. – Прямо сейчас и купим. Вон и магазин.

Петюша бежит вперед, смешно подскакивая, как щеночек. А у меня сердце сжимается от странного предчувствия. В два прыжка догоняю своего ребенка, прямо возле обочины. Слышу скрип тормозов, зажмурив глаза разворачиваюсь спиной к источнику звука. Петя болтается в моих руках, словно плюшевый зайчишка. Главное его укрыть, принять удар на себя. Что – то грохочет, скрежещет в пространстве, как адская наковальня. А я стою и жду боли, которая не приходит.

– Ты совсем охренела, дура? – раздается там где-то, очень далеко, разъяренный рык. Воздух пахнет резиной, горечью выхлопных газов и злой яростью вопящего за моей спиной монстра и огромными проблемами.

– Мам Лиль, пусти, – вертится в моих руках непослушный постреленок, бегающий там, где нельзя. Хотя, это я виновата, не уследила. Я дурная мать. – Ну, пусти же. Я этому дядьке наваляю. Он тебя обозвал. А колсалы...

– Корсары, Петька, не выскакивают на дорогу, – шепчу я, прежде чем обернуться к сыплющему проклятиями человеку.

На меня смотрят глаза цвета вишен, горящие таким адским пламенем, что кажется испепелят меня и все вокруг. Огромный джип, похожий на поверженного дракона, дымится возле расщепленного дерева, растущего на обочине. И мне становится адски страшно, ведь если бы этот несчастный клен не остановил монстра, мой Петюша... Ноги слабнут от этой мысли.

– Эй, курица, ты чего? Ты какого черта не следишь за мальчишкой? А если бы у меня тормоза в тачке были фуфловыми, или не сработала реакция? Ты понимаешь, что я бы размазал ребенка, тупая ты п...

– Машина. Простите. Она же застрахована у вас? – господи, что за ересь я несу. Петюня жметесь ко мне, выглядывает из-за моей спины, насупился, готов в бой хоть сейчас. – И выберите выражения. Тут ребенок.

– Правда? Вспомнила, что за мелким надо смотреть? – ухмылка этого страшного человека, похожего на бородатого викинга, кажется мне странно знакомой. И глаза... Гоню прочь идиотские мысли. – Забирай пацана и проваливай. Я разберусь тут. А ты, парень, следи за своей матерью, у нее похоже рано начались проблемы с мозгом.

– А ты стлашный, гадкий и козел, – голосок моего пирата дрожит в воздухе. – Леший дядька, вот.

Я сжимаюсь. Сейчас, наверняка, этот амбал разозлится и... Господи.

– Петя, так нельзя говорить со взрослыми, – блею я жалко, встав между моим мальчиком и страшным бородатым мужиком.

Лицо у викинга меняется. Глаза теплеют, и улыбка становится такой открытой. Надо же.

– Молодец, парень. Маму надо защищать, даже такую невнимательную. И научиться говорить букву Р срочно. Ты же уже взрослый мужик. Держи, – протягивает он Петюше шоколадное яйцо, которое словно фокусник достает из кармана дорогущего пальто. – И больше не рискуй собой, мужик. Тебя зовут то как?

– Петл. И я не люблю Кинделы, я ж не маленький. Пойдем, мама Лиль, – тянет меня за руку мой самый любимый на свете мужчина. – Сам ешь свои яйца. А мама у меня самая лучшая. И она внимательная, это ты не смолишь по столонам. Я бежал по тлотуалу.

– Тезка значит, – задумчиво говорит этот страшный мужик, хозяин жизни. Смотрит на меня прищурившись. Хочется сжаться до размера молекулы и испариться под этим его взглядом. – У нас с тобой хорошее имя, Петр, царское. Оно означает – скала. Нерушимая крепость. Мама за тобой как за каменной стеной. И ты прав. Я должен быть внимательнее.

Господи, почему он на меня так смотрит? Невыносимо, словно под кожу мне проникает своим взглядом, иглами колет все тело.

– Что? – шепчу, пытаюсь вырваться из гипнотического плена. Он взрослый, старше меня. Лицо мужественное. Наверное в такого можно и влюбиться. Только мне не светит. У меня уже есть любимый мужчина. Тезка этого огромного злобного Петра.

– Да нет, показалось, – морщится он. Идите, девушка. И берегите своего защитника. Он замечательный.

Глава 2

Петр Демьянов

Чертова девка весь день не шла у меня из головы. И мальчишка этот ушастый и смешной. Похожа. Просто похожа на женщину, которая вдруг сегодня всплыла в памяти при виде испуганной дуры. Странная, обычная, никакая. Я провел с ней несколько ночей, просто потому, что мне так захотелось. От скуки, пресыщенности и злости на весь свет. Без обязательств и особых душевных терзаний. Обычный эпизод, который от чего-то врезался в память сладострастными стонами опытной взрослой бабы и полным ощущением моей власти над ней. Она была старше, но наивнее в миллиарды раз, а звали ее... Отдавалась и дарила себя с таким восторгом, что думал рехнусь. Черт, вымаралось из памяти ее имя, ненужная информация. Но... Я с ней живым себя чувствовал.

– Мы опоздаем, дорогой, – вырвал меня из странной прострации голос Каринки. Я поморщился почуяв запах алкоголя, ставший уже привычным, исходящий от моей жены. Пальчики с острыми ногтями алого цвета вцепились в галстучный узел, который я так и не смог довести до идеала. – Король не должен заставлять ждать своих гостей.

– Ты остаешься дома, – ровным тоном сказал я, высвобождаясь из захвата тонких холерных рук. – Ты умеешь себя занять, дорогая, и без светских мероприятий.

– А что мне еще прикажешь делать, муж мой? – ее голос звенит. Лучшая защита – нападение. Этой наукой Карка овладела в совершенстве. Отточила, за годы брака, до остроты ювелирного резака. – Ты дома не появляешься неделями. Я одна постоянно. Скоро взвою. Просекко примиряет меня с этой приторной действительностью.

– Нужно было рожать Карина, а не делать один аборт за другим. Тогда у тебя было бы чем заняться, – морщусь я, стараясь не смотреть на скривленные дорогие губы благоверной.

– Расплывься как квашня, научиться кудахтать над младенцами и думать только о том, как покакал твой наследник и думать с какой шлюшкой путается мой муж, пока я реализуюсь в ненужном мне материнстве? – ухмылка ее ведьмачья. Красивая баба, но пустая и холодная. – Ты бы давно сбежал, Демьянов. Потому что жена тебе нужна только как визитка, породистое приложение.

В висок вливается раскаленная спица. Визгливый голос раздражает. Идти на чертов прием нет никакого желания. И это ее чертово шелковое алое платье, обтягивающее фигуру Каринки, как вторая кожа, кажется какой-то изощренной пыткой. Действует как на быка, болтающаяся перед его мордой бесячая тряпка.

– Ты ведь ненавидишь меня, Кара, – улыбаюсь я. Головная боль становится тупой. – Почему не сбежишь с какимнибудь фитнес-тренером?

– И сделаю тебя счастливым? Не дождешься, милый. Для этого я тебя слишком люблю. Ненависть, любовь – тонизирует именно совместное смакование этих двух чувств. По отдельности они достаточно пресны и слишком примитивны.

– Сука, – ухмыляюсь уже беззлобно. Нет смысла яриться на эту умную хитрую стерву.

– Спасибо за комплимент, дорогой. Я всегда считала тебя галантным, даже когда ты был простым бандюком.

До ресторана доезжаем молча. Карка спит, уперевшись в боковое стекло перетянутой щекой. Сколько я уже с ней? Столько не живут. Она неплохо сохранилась, несмотря на возлияния. Но в сравнении с испуганной девкой, мальчишку которого я чуть не сбил по собственной

вине, положив руку на сердце, Карка возрастная зажавшаяся бабенка. Та глупышка свежая. Черт, почему я постоянно возвращаюсь мыслями к этой нищей дурочке?

– Прибыли, мадам, – издевка в моем голосе совсем не трогает мою жену. – Мойка машины за твой счет. Не люблю стекла вымазанные слюнями.

– Знаешь, Демьянов чем ты отличаешься от своего водилы? – скалится в зеркальце Каринка, поправляет макияж.

– Неужели невероятной харизмой. Перекрывающей своим величием мои счета в банках, за которые ты меня так никогда и не бросишь, как бы я ни старался.

– Нет, он молодой и не ворчит, словно старик. Пойдем уже. Я хочу выпить. Устрицы же будут?

По лестнице, укрытой идиотской красной ковровой дорожкой, мы поднимаемся держась за руки. Каринка конечно королева, не отнять у нее умения блистать. А я ненавижу эти показушные выступления. Сейчас я хочу только одного – быстрее прочитать речь, которой от меня ждет жрущая веселящаяся толпа и в идеале свалить из этого вертепа. Голова начинает кружиться, когда мы входим в зал, где проходит мероприятие посвященное юбилею созданного мной холдинга. Карка отлепляется от меня и устремляется в самую гущу людского моря. Это ее стихия. Слышу смех жены, киваю каждому из гостей, половину из которых в глаза то вижу в первый раз. Но каждый считает своим долгом выразить мне ненужное почтение. Мне нужно просто дойти до места во главе богато накрытого стола и...

Чувствую легкий толчок, и мои идеально отутюженные брюки становятся мокрыми прямо на яйцах. Да уж, хозяин мероприятия, читающий речь с пятном на ширинке. Я произведу фурор. А уж пресса то как довольна будет. Миллиардер ссанный. Класс. Звон быющегося стекла вызывает во мне ярость сравнимую с ураганом.

– Простите, – этот голос я уже слышал где-то. Такой же испуганный и тихий. – Я случайно. Я вытру. Я...

– Вытрешь? – черт, моей улыбке, наверняка позавидовал бы сейчас любой среднестатистический людоед. – Ну, давай. Начинай, куколка. Только тщательнее полируй. Чтوب как у кота все сверкало и звенело. Тогда может из меня серебряные дублионы посыпятся и я не сделаю твою жизнь еще более отвратительной чем сейчас.

На меня смотрят глаза, в которых плещется весь ужас мира и плохо прикрытое презрение. И я вдруг начинаю чувствовать себя скотом. Блядь, да что происходит сегодня со мной? Наверное чертов сахар опять свалился ниже нормы. Или бури магнитные.

– А мамуля, – рычу я, узнав в официантке чертову утреннюю террористку, из-за которой мой любимый джип превратился в кучу гнутого металла. – Ты снова в своем репертуаре? Только сейчас тебя некому защитить. Твой корсар с мужем остался? Или отец у него тоже где-то батрачит в ночную?

Злость испаряется. Сменяется дурашливой веселостью. Мне нравится смотреть, как краснеет кончик носа у этой глупой девки. Не красавица совсем, черты лица кажутся сообщающимися между собой. Нижняя губа пухлая, а верхняя словно прикушена постоянно, нос вздернутый конопатый, скулы острые, что можно порезаться, но глаза... Чертовы омуты, в которых наверняка утонул не один демон похоти. Почти медовые, с зеленым ободком вокруг зрачка. Я такие уже видел. Абсолютно точно. Где-то далеко в прошлом.

– Ты за мной следишь, куколка? Скажи честно, тебя конкуренты наняли, чтобы уничтожить меня морально? Или, может, по собственной инициативе? Маньячка сталкерша, преследующая злобных дяденек? Девочка, я злой и страшный серый волк. Меня надо опасаться, а не вот это вот все, – скалюсь, пытаюсь отвлечь мысли от мокрой ширинки на вконец испорченных брюках, которая начинает совсем уж непристойно себя вести, когда нижняя губешка официантки дрожа кривится. Мой «маленький генерал» слишком активно реагирует на чертов рот этой дуры.

– Нет. Я... Только не увольняйте, умоляю. Мне очень нужны деньги. Нам с Петюшей.

Омуты начинают свою карусель, наполняясь алмазной влагой. Засасывают похлеще вакуумного аппарата, расщепляющего на молекулы все, что в него попадает. Где эта сука Каринка, когда она так нужна?

– Я не занимаюсь подбором персонала. Челядь не в моей компетенции, – о, да, я не людоед. Я скот. Но это лучше, чем выглядеть эрегированным ослом. Да и кто она такая, эта Золушка с глазами олененка Бемби? Отвожу взгляд и твердым шагом иду к импровизированной сцене, подготовленной для моего триумфального выступления. Плевать, что у меня мокрые штаны, а в голове гудит целый духовой оркестр. Я здесь бог. Я бог, а она...

– Всем добрый вечер. Мы собрались сегодня. Чтобы...

Мне в душу проникает медовый взгляд. Она стоит в центре жрущей толпы, в своей униформе девочки-официантке и я не вижу больше никого вокруг. Пронзает взглядом, как лазерами, способными перерезать пополам любое твердое тело.

– Чтобы отпраздновать триумф. Мой триумф. Наш концерт вырос...

Ее больше нет в зоне видимости. Слава богу. Дурацкое наваждение. Голова кружится. Конфеты, которые я всегда таскаю во всех карманах, сегодня остались в машине. Ничего, сейчас закончу чертову фальшиво-бодрую речь и просто свалю с этого адского бала.

– Но, конечно, без вас, мои дорогие коллеги, мой триумф был бы невозможен. За вас...

Аплодисменты кажутся оглушительными. Ненавижу все это. И эта лживая лесть, которую я несусь со сцены, вызывает у меня приступ эйхофобии.

– Дорогой. Ты далеко собрался? – пьяный голос Карки настигает меня уже возле выхода из банкетного зала.

– Подышу воздухом.

– Понятно. Сваливаешь, как всегда. Демьянов, ты все таки скот. Тут вообще-то люди собрались. И все хотят приложиться к твоим мощам. А ты просто их кидаешь. Фу таким быть.

– Я знаю, дорогая. И мне это очень нравится, – улыбаюсь через силу.

– Я приеду на такси, может утром. Как считаешь? Тут еще море шампанского, и вон тот официант просто душка, – она меня дразнит. Знает, что я ненавижу пьяных баб. Специально выводит из себя. Но, мне абсолютно все равно, чем занимается женщина, давно ставшая чужой. Мы существуем рядом, иногда потрахиваемся, поддерживая имидж крепкой семьи, которой нет и не стало ровно в тот самый миг, когда Карка сделала первый аборт. – Не скучай, сладенький.

– Это невозможно, тыковка, – отвечаю в тон. Знаю, как ее бесит это прозвище. Улыбаюсь сейчас искренне, глядя, как дергается перетянутая щека благоверной. Почему я до сих пор с ней? Просто удобно. Привык. А еще она не дает мне забыть, кто я есть на самом деле. – Я отдыхаю без тебя. Скуку навевает на меня только твое присутствие. Официанту привет. И предохраняйся. Хотя, у него наверное мед книжка. Проверенный кадр.

– Сука ты, Демьянов, – хмыкает Карка, целует меня в щеку. Ее губы ледяные и слишком упругие, чересчур идеальные. То ли дело у... Чертовой официантки.

Я уже почти выхожу из ресторана. Почти. Какая-то дьявольская сила заставляет меня развернуться. Девки нет в зале. Нигде нет. Нахожу дверь в служебное помещение.

– Господин Демьянов? – словно из-под земли вырастает передо мной менеджер по персоналу. Так по крайней мере написано на бейдже. – Все в порядке? Вам сюда нельзя.

– Мне можно везде, – морщусь, борясь с желанием раздавить чертову бабу, если она продолжит стоять не моем пути. – И ты это знаешь. Я ищу официантку, молодую брюнетку, у которой руки растут из...

– Я ее уже рассчитала. Простите. У нас редко бывают накладки. Криворукий персонал... Где ж сейчас найдешь кого-то приличного? Тем более девчонка из наемных, непостоянная. Мы

берем людей в сторонней фирме для проведения больших мероприятий. В качестве извинений за причиненный вам ущерб мы сделаем скидку на...

– Я не понял, – баба сжимается под моим взглядом, – я похож на человека выпрашивающего у вас скидку? Девка где?

– Слушайте, у девочки жизнь и так не сахар. Я не должна была ей и платить, но...

– Очень много слов, для человека, который не знает ничего о наемном персонале, – уже рычу. – Где криворучка?

– Десять минут назад ушла. Но она, наверное...

Не слушаю больше. Десять минут не такой и большой срок. Черт. И зачем мне этот геморрой.? Я сам не могу себе объяснить. Баб таких кругом море. Плюнь попадешь. Цена им пять рублей пучок в базарный день. И тем не менее я ее хочу. Именно эту проклятую олениху. Хочу до звона в башке и яйцах. Сука с оленьими глазами. Тем интереснее будет ее уложить в койку. Охотничий азарт, или... Что-то есть в ней. Что-то, что я никак не могу уловить или вспомнить.

На улице холодно и темно. Ветер бросает в лицо сухие мертвые листья. Народ сидит по домам, в обнимку с книгой или телевизором, завернувшись в пледы. Голова снова начинает каруселить. Бросаю в рот леденец, найденный мной в бардачке уродской Каркиной машины. Конечно девка уже давно взяла такси и свалила. И хорошо. На хера мне эти проблемы? И вообще, какого хрена происходит? Обычная же баба.

Мой взгляд привлекает движение в темноте. Бью по тормозам, повинуюсь неясному инстинкту. На тротуаре валяется дешевая женская сумочка, прямо рядом с темной нишей в уродливом доме. Твою мать.

Выскакиваю из машины, задыхаясь от страха и ярости.

– Помогите, – тихий всхлип, звук борьбы. На глаза падает алая яростная пелена. У меня отключаются все человеческие чувства, включая инстинкт самосохранения, когда я вижу как трепыхается в руках черной тени криворукая официантка.

– Эй, – мой голос звучит слишком громко. Кажется я и сам гложу. В руке прихваченная из тачки бита. Интересно. Зачем Карке эта хреновина? – Не видишь, девушка не хочет общаться?

Тень в капюшоне молча бросается в гребаную подворотню. И я с трудом сдерживаю себя, чтобы не ломануться следом. Но если я поймаю тварь, то растерзаю.

Девка сидит на асфальте, поджав ноги. Слезы ручьем выливаются из медовых омутов.

– Надеюсь непоправимого не случилось? Нас не обесчестили? – за насмешкой пытаюсь скрыть яростную дрожь в голосе. – Какого хера ты шляешься по ночам? Такси еще не отменили. Не могу же я быть ангелом хранителем каждой дуры, у которой мозг как у мыши.

– Спасибо, – хриплый голосок проникает под кожу электрическими импульсами. – Чертова сумочка, в которой она роется, такая убогая. Девка морщится, и кажется сейчас в обморок свалится. – Что спасли, спасибо. Но... Снова ревет. У меня сердце начинает пропускать удары. Теперь она плачет горько, вздрагивает худыми плечами.

– В машину иди, – приказываю я.

– Нет. Нет, только не... Не с вами. Я вас боюсь.

– Понятно. По улицам ночным ты шляться не боишься, а я зло во плоти. Я отвезу тебя домой. А то сын не дожидется чокнутую мать. Это прискорбно будет. Поверь, я знаю о чем говорю. Не бойся, посягать на твою добродетель мне не позволит мой дикий эстетизм. Я не трахаю челядь. Ну что еще? Неужели я такой страшный?

– Там все мои деньги были. Я хотела Петюше подарок сделать, ему скоро пять. Совсем скоро, через два дня. Праздник. Черт, если бы не вы, меня бы не выгнали работы, на которую я так надеялась. И транспорт там был предоставлен... От вас одни проблемы, вы просто... Как я буду в глаза моему мальчику смотреть? Как? Там и так было меньше половины того, на что я

расчитывала. А, впрочем, вам не понять. Уходите, я сама... – а у девчонки то почти истерика. Отходняк. Легкое тело бьет крупная дрожь.

– Я еще и виноват? – ухмыляюсь, подхватывая на руки почти невесомую девку. В голове вертится ураган, в глазах искры. Она пахнет одурительно. – Отвезу домой, хоть ты тресни напололам. Даже если мне придется тебя стреножить и запихнуть в багажник. Ну, говори адрес. Не нарывайся. Где там у ведьм лежище? Сама ты можешь только проблемы на задницу находить.

Глава 3

Лилия

Когда я была маленькой девочкой, мама пела мне колыбельную про серенького волчка, который придет и укусит непослуху за бочок. Утащит в свою нору, или что там у них? Логово? И покусает больно-больно.

Я еще не знала тогда что есть вещи пострашнее милого серого бедняги волчка, которому приходится каждую ночь воспитывать детишек.

Сейчас рядом со мной сидит огромный хищный мужик. Молча играет желваками на бородатой физиономии и мне кажется, что я провалилась в страшную сказку, в которой перемешалось добро и зло.

– Нет значит мужа у тебя, – прерывает затянувшееся молчание мой спаситель.

– Чего?

– Я говорю, мамонта жирного ты в дом приносишь, а не отец семейства? Как же ты живешь?

– Вам то что с того? Отлично мы живем с Петюшей. И вообще, это не ваше дело, – дергаю плечом. Да, у меня нет никого. И не было никогда. С тех пор, как в моей жизни появился мой мальчик, личная жизнь у меня закончилась не начавшись. Черт, но не рассказывать же об этом незнакомому злему мужику, который угрюмо сопит рядом вот уже полчаса.

– Как это не мое. А вдруг твой муженек меня размажет по лестнице? Приревнует к такому то красавцу, статному да богатому. Кстати, ты так и не сказала адрес, – голос мужчины звучит ровно. Даже равнодушно.

– Ленина сто, – выдыхаю в воздух, пахнувший дорогими благовониями и шикарной жизнью. Такой, какой ни у меня, ни у Петьки не предвидится. Особенно в ближайшей перспективе. Денег с аренды маминой квартиры хватит еще дня на три. А потом... Потом, если не произойдет чуда, нам с моим мальчиком придется туго. Сердце сжимается от страха. Я то переживу, а вот Петюше... Даже за сад будет нечем заплатить. Адрес не мой. Нет, мне не стыдно, что мы живем в общежитии с сыном. Просто не считаю нужным сообщать этому незнакомому человеку наше местообитание. Не знаю почему, но я и вправду до одури боюсь взгляда его вишневых глаз. Сканирующих меня кажется прямо до самого скелета. А еще меня пугает, что они так похожи на глаза моего сына, моего любимого мальчика.

– Интересно, как ты собиралась добираться в эти ебени одна ночью?

– Здесь не так уж и плохо, – улыбаюсь вымученно. Стараюсь не смотреть на здоровяка, легко крутящего руль. – Мы привыкли. Остановите тут, пожалуйста, – показываю на подъезд, освещенный тусклой лампочкой. Отсюда совсем близко до общаги. Метров пятьдесят через двор. Значит я буду дома через пять минут. Прижму к себе Петюшу, и наконец то смогу хоть недолго побыть счастливой и спокойной. А завтра... Я решу все свои проблемы.

– Целоваться будем? – скалится мой страшный спаситель, глядя, как я суетливо пытаюсь застегнуть вырванные грабителем с корнем пуговицы на дурацком пальто, негнуцимися пальцами. Я выгляжу жалко, как нищенка во дворце. И эти его чертовы слова заставляют меня дернуться и покраснеть.

– Послушайте, если вы считаете, что то, что...

– Успокойся, я пошутил. – хмыкает викинг. Лезет в карман за чем-то, а я сижу как загипнотизированная и не могу шевельнуться. Видимо только сейчас меня накрывает осознание того, что могло бы произойти, не появившись этот нестерпимый нахал минут на пять позже. Запоз-

далый стресс наваливается чугунной плитой. И осознание, что я не смогу порадовать Петюшу мечтанным праздником. И домой идти совсем не хочется, потому что я не знаю, как смотреть в глаза моему мальчику. – Возьми.

– Что это? – шепчу, боясь посмотреть на свои руки, у которые этот демон сунул мне стопку бумажек.

– То, что ты заработала сегодня на моем мероприятии, – морщится этот странный мужчина. Морщится, словно от боли, кидает в рот леденец. – Слушай, иди уже. Утомила... – он не дает мне и слова сказать.

– Я не возьму это. То, что я заработала я потеряла по собственной глупости, – говорю упрямо, выпятив вперед свою чертову уродскую губу, которая предательски дрожит. – Послушайте. Я прекрасно знаю, где бывает бесплатный сыр. Что вы там себе надумали, мне не известно. Но... Забудьте, что бы это ни было.

– Это не тебе, дура, – кривит он губы в невеселой улыбке. – Парень же не виноват, что ты абсолютная наивная олениха. Бери. Это просто благотворительность. Я до ужаса обожаю помогать сирым и убогим. Это не альтруизм, девочка. Я просто пытаюсь вымолить у него, – поднимает палец к потолку машины, обтянутому дорогой кожей, – отпущение грехов. Ну и выторговать еще немножко баблишка. Таким как я всегда всего мало, ты же так сказала вроде. А ты то точно в курсе. Как говорится, не оскудеет рука дающего и прочее бла-бла.

– Я не верю в альтруизм таких как вы?

– Это прискорбно, что в столь юном возрасте ты разочаровалась в людях. Зовут то тебя как, кстати? И кто же нас обидел?

– Не ваше дело. И имя мое тоже вам ни к чему. Лишняя информация.

– Такой как я? А это какой? – выгибает он бровь.

Молчу. Что сказать? Выгляжу я неблагодарной идиоткой. И наверняка он так и думает.

– Слушайте, простите.

– Нет, сказала А, говори Б. Таких как я зажратых, богатых, королей мира. О, да. я такой. Но... Если я хочу, то беру сразу. Не размениваясь на уговоры. И еще, девочка. Это ты что – то себе нафантазировала. Я брезглив, знаешь ли...

– И женаты, – скалюсь я, от чего становлюсь еще больше похожей на дуру.

– А, так вот оно что. Несчастную овечку обманул гадкий женатик, ребеночка ей забахал и слинял. Прекрасно. Не мой случай. Я люблю баб посочнее и взослее. Расслабься. И вообще, кто тебе сказал, что сыр бесплатный?

– Тем более, я не беру в долг у незнакомцев, – чертов нос, снова краснеет. Я чувствую как он гореть начинает, а вместе с ним и уши. – Вдруг вы взамен потребуете мою душу. С вас станется.

– На хрена мне она? – скалится нахал, – Ладно бы еще тело предложила. И то, сделка так себе. Тощая ты слишком, я не ем таких костлявых. Ладно, буду звать тебя Бемби, как шлюху. Они тоже не любят называть свои настоящие имена.

– Не едите? – он что, смеется надо мной. Точно, смотрит прищурившись, а в его вишнях пляшут черти. Надо бежать. Уносить ноги. Выскакиваю из машины, под веселый хохот мерзавца. Деньги бросаю на сиденье. – Я не шлюха, понял ты? Скот.

– Да, моя жена тоже так считает. Эй Дура, ты бумажки тут забыла, – несется мне в спину. Но я слышу уже словно сквозь вату это обзывательство и издевку. Может я и дура, но все еще знаю себе цену.

– Сам такой породистый, – хриплю себе под нос. Надеюсь он не слышит.

Визг покрышек придает мне ускорение. Залетаю в подъезд. Прижимаюсь спиной к шершавой стене. Никто и не думал меня преследовать. И машина исчезла. Слава богу. Двор пустынен. Сердце колотится так, что кажется вот вот вывалится из груди. Еще немного и я дома. Дома, в котором тепло и тихо. Я поцелую Петюшу в мкакушку и чтонибудь обязательно при-

думаю. Без подачек от нахального амбала, без унижений и насмешек. Я сильная и находчивая. У моего малыша будет праздник.

Дома тихо. Я захожу в крохотную прихожую и молча падаю на пуфик. Вся моя бравада испарилась, пока я шла через двор. Шаг за шагом улетучилась. Осталось только горькое понимание, что я снова облажалась.

– Лилечка, ты? – шепотом спрашивает появившаяся в дверях тетя Люба. – Слава богу. Поздно уже, я начала нервничать. Шлимазла этого мелкого я чуть накормила и утискала. Спит, как ангелочек. Слушай, он у тебя рибу, что не кушает? Надо кушать, объясни завтра этому мелкому поцу, что только кошерное сделает его человеком. Пойдем, в тебя затолкаю рибу фиш, пока не протухла.

– Не хочу, – всхлипываю я, – тетя Люб, меня ограбили. Все забрали. Все, что я заработала, – рыдания рвут горло. – Мне даже вам заплатить нечем. И праздник...

– Какие деньги, Лилия? А как вам это нравится, платить она мне собралась? Главное сама цела. А филки, тьфу. Навоз. Сегодня нет, завтра воз, – теплая рука тети Любы гладит меня по волосам. – А зохн вей тот праздник. Что мы чужие? За какие оплаты ты тут мелешь? Этот рахит в панамке мне как родной, да и ты... Не реви, будет у этого шлимазла сопливого праздник. Я на похороны откладывала. Таки там много стало. Мне какая разница будет в каком гробу гнить? Не этим же поцам, сродственникам моим отдавать?

– Нет. Я не возьму. Я не могу. Это все... Он робопса хотел, – всхлипываю, уткнувшись лицом в ладони. – Тетя Люб, я дурная мать. Я даже не могу праздник устроить сыну.

– Вей з мир, ты мать лучшая. Все, это когда ноги холодные. А мы то живы. Праздник будет, не делай мой мозг беременным. Торт Катька испечет, она мне должна за услугу. Мося Кацман шары надует, старый тухес. Открыл магазин все для праздника, поди своими газами баллоны то надувает. Таки мы его за тот тухес и возьмем. Ну а робо чего-то там... В общем, в соседнем дворе сука ощенилась. Подарим Петюне нормального пса. Чай живой то лучше. И друг опять же. Вроде не крупные там кабысдохи. Завтра отправлю Синявкина, отловит нам помордатея. Он за бутылку то шо хошь сделает. Ветеринарке Нинке конфет купим. Еще какой цимес замастырим. Вся эта шарага гудеть будет.

Я даже забываю, что плакала. Наблюдаю за воодушевленной тетей Любой, которая мечется по прихожей, возбужденно блестя хитрыми глазами. Эта женщина, пережившая предательство и потери не сломалась, так, а я чего раскисла? Не бывает безвыходных положений. И вокруг нас хороших людей гораздо больше, чем плохих. Выхода нет только из гроба. И я с каждым днем все больше убеждаюсь в этих нехитрых аксиомах.

– Пойду я, в общем. Толмуд найду свой с бекицером, старость то не радость. Не помню их номера без склерозника. Ох, и погуляем. Ложись девочка. И спи спокойно. А праздник... Ох, какой будет праздник. Черти в аду обзавидуются.

– Спасибо, – улыбаюсь, прижимаю к груди замечательную женщину, без которой я бы не справилась. Она работала раньше комендантшей в этой общаге, пока ее не переделали в малосемейку. Разделили на небольшие блоки, в которых оборудовали подобие квартир с крохотным санузелом, сидячей ванной и отдельной кухонькой. Собственно мы с Петюшей и живем сейчас в такой тесной клетушке. Но нам хватает ее для тихого счастья. Тете Любе тоже досталась такая жилплощадь. И теперь она является феей-хранительницей для всех в этом доме. Без нее он бы давно развалился, не выстоял. – Спасибо вам.

– Ох, сырость развела, – смущается фея крестная. – Пойду я. Мосю дерну, а то старый болван спит он много. Шары сами себя не надуют.

– Я все вам верну. Заработаю и...

– Ой, все. Вернет она. Похоронишь меня по-людски, а не в общую могилку, и слава богу. Кстати, ванну то Петька ухайдокал сегодня. Но ты уж не ругай мальчика, завтра Синявкина при-

шлю, он исправит. Ну пошла я. А ты ложись. Завтра делов валом. А чего смотришь? Я же не могу одна устроить этот захер.

Я захожу в комнату, и опускаюсь на кровать, рядом с моим мальчиком, раскинувшимся поперек ложа. Он такой смешной и трогательный в это пижамке, разрисованной собачками. Крохотный, но для меня он целый мир. Мой мир, моя жизнь. Сворачиваюсь рядом с ним, стараясь не потревожить сон. Вдыхаю теплый детский запах. Солнечно-молочный, самый сладкий на свете. Слегка дую на пушок светлых волосиков.

– Мамочка, ты велнулась? – сквозь сон шепчет мой сыночек. – Я ждал.

– Да, Петюша. Спи, завтра ты мне все расскажешь. Завтра.

– Я знаешь чего ждал то? Хотел сказать, что я пеледумал, не нужен мне лобопес. Я другое желание загадал.

– Какое?

– А если скажу, не сбудется, – щурится спросонок малыш. Он вырос, скоро отпразднует первый юбилей. Сердце замирает в груди, переполняясь благодарностью к тете Любе. Без нее я бы не смогла сейчас вот так просто реагировать на этот разговор.

– Тогда не говори, – улыбаюсь, теребя легкие кудряшки сына.

– Нет, все лавно скажу. Тебе можно. Ты же мама.

Петюша вжимается в меня доверчиво, шепчет на ухо, будто боясь, что его услышит все-ленная и не исполнит детского желания.

– Я хочу, чтобы у меня был папа. Как у всех лебят. И чтобы он на тебе обженился. Тогда и ты будешь ладая. Здолово я плидумал.

Мне кажется что над моей головой разверзаются небеса. Задыхаюсь от рвущей душу боли. Мой мальчик лишен семьи, ему нужен мужчина-авторитет. Это нормальное желание. Но отчего тогда мне так больно?

– Тебе плохо со мной? – шепчу я, прижимая к себе тонкое легкое тельце ребенка.

– Ты лучше всех на свете, мама, – искренне отвечает мой сын, не по годам взрослый и рассудительный, – но папы у мальчиков же должны быть? Это же честно? И мама Вовки Ляжкина говорила маме Лизки, что ты старая дева. И что я когда подласту, то уеду, а ты будешь с кошками век вековать. Мам, а что это век вековать? Это же холошо долго жить, а с котиками вообще...

– Спи, родной, – улыбаюсь я, хотя мне хочется рвать и метать. Чертовы сплетницы знают, что их слышит Петюша. Специально его дразнят. Злобные бабы просто не могут справиться с ядом. Но, на каждый роток не накинешь платок. – Спи, и пусть тебе приснится твой праздник. И котики пусть приснятся в пиратских костюмах.

– В колсалских, – счастливо улыбается мой малыш. – И папа... Знаешь, я думаю, что он сильный и одноглазый. И у него повязка на глазу, как у капитана Флинта. И нога делевянная. И он этих тетек злых как свяжет и лты им позатыкает, а потом...

– Господи, Петька, – я больше не могу сдерживаться. Из меня рвется смех, смешанный со слезами. Очищающая смесь эмоций.

Глава 4

Петр Демьянов

– Кар, как думаешь, что можно подарить ребенку на пятилетие? Мальчику, – вопрос сам вырывается из моего рта. Казалось бы обычный, но я вздрагиваю.

– Пятилетие? Рили? И кому же ты собрался дарить подарок? – Карка смотрит... Это даже не интерес. Мне кажется я вижу плохо прикрытый страх во, всегда насмешливых, глазах жены. Странно, ей не свойственны такие эмоции как испуг или даже просто удивление. – Неужели завел байстрючка на стороне?

– Обрыбишься, – ухмыляюсь я. – Таранка сыну день рождения. Пять лет наследнику исполняется. Я приглашен. Ты нет.

– Жаль, а то бы я тебя ободрала, как липку и зажила в свое удовольствие. Ты же знаешь, что в случае измены одного из супругов суд встает на сторону пострадавшей стороны? – скалится «любящая» супруга.

– ДА? Тогда ты в страшной опасности, – мне и вправду смешно наблюдать за тем, как неподвижные мимические мышцы на перетянутой мордочке жены пытаются работать в штатном режиме. – Расслабься, дорогая. Твои выкрутасы меня не трогают. Как официант, кстати? Не разочаровал?

Я смотрю, как разглаживается холеное личико, с которого напряжение словно ластиком стирается.

– Нет, милый, он был на высоте. Даже выше. А по поводу подарка, я не знаю, что любят сопляки. Но точно знаю, что личинке Таранка ничего не нужно. У него и так полно всего, полагаю. Давно я, кстати, с Маринкой не болтала. Даже не знала, что она рехнулась и родила своему борову бебика.

Черт, Каринка на лжи меня поймать пытается? Интересно даже, что же так напрягает мою Снежную королеву? Неужели ревнует? Я тоже хорош, подставил приятеля давнего. И ради кого? Незнакомого мальчишки и чокнутой гордячки, которая побрезговала моими деньгами. Гребаная дура. Но от чего-то она не идет у меня из головы? Настолько, что я готов рискнуть спокойной жизнью.

– Маринка не рожала ребенка, – равнодушно говорю я, делая глоток виски из тяжелого стакана, – Она такая же ледяная, как ты, дорогая. Открою тебе тайну, есть дамы, которые готовы осчастливить мужчину ребенком. И чаще всего это не жены.

– Интересно, кто же настолько алчен, что дал Таранку? Это ж надо так любить деньги, – кривится в улыбке Каринка. О да, просто кобра перед нападением. Даже раскачивается так же. – Да, милый, дешевые шлюхи неразборчивы в связях и рожают они выbledков, в надежде урвать кусочек полакомее. На хапок. Не понимают, глупые, что все равно официальная жена – наследник первой очереди. Правда же дуры бабы?

– Ну ты то умная. Не знаешь даже, чем можно порадовать мальчика, – я злюсь? Вышел из себя из-за чего? Потому что Карка скорее всего попала в точку. Потому что эта чертова официантка скорее всего родила мальчишку, чтобы привязать к себе богатенького женатого мужика, который выбрал спокойствие, а не счастье отцовства. И это вообще что такое за чувство, распирающее мою душу злостью? Не ревность же?

– Ну, купи ему сигар коробку кубинских и рома в сундуке, – дергает плечом ледяная болванка.

– Иногда ты бываешь чертовски прозорливой, – ухмыляюсь я, поднимаясь из кресла. Мальчишка же с ума сходит по пиратам. Я тоже в детстве мечтал о дальних странствиях, любимой книгой был «Остров сокровищ». Двенадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рома. Надо же, как это у моей «ненаглядной» супруги получилось так в точку попасть своим идиотским предложением? – Поеду за подарком. Компанию составить не предлагаю. Мне с тобой душно.

– Странный ты, Демьянов. Не лень тебе шляться по магазинам ради чужого выродка? Все можно заказать, привезут на дом. А мы бы пока занялись чем то поинтереснее.

– Мне интереснее выбрать самому подарок, – ухмыляюсь я. Сейчас мне хочется одного – сбежать из собственного дома, который я строил в надежде, что когда-нибудь в Карке все же проснется нормальный инстинкт женщины к продолжению рода. Она так и осталась пустышкой, как и этот дом, и все, что меня окружает. Просто пшик. Иллюзия счастья. – А ты тут развлекаешь себя сама. Что ты там любишь? Шампанское? Есть еще секс-шопы, детка. От того, что там продают дети не заводятся у недобаб, которые зовут маленьких людей выродками.

– Ну ты и...

– Скот, я знаю. А ты ледяная сука. Мы прекрасная пара, – иду к выходу, даже не повернув головы. Чувствую спиной взгляд жены. Мне плевать, на ее чувства. Но она сама сделала меня таким. И мне не стыдно.

Так что там любят мелкие лопухие пираты с вишневыми глазами? Наверняка сабли, треуголки и...

– Петр Дмитриевич, куда едем? – выдергивает меня из раздумий голос шофера.

– Вадик, что любят пираты? – блядь, судя по удивленному взгляду этого балбеса он считает, что едем мы сейчас с дурдом лечиться галоперидолом.

– Ну, ром они любят, пиастры, баб дешевых. И я не Вадик, а Владик.

– Ты сейчас мне рассказал свои фантазии, Вадик, – хмыкаю я. – Они, конечно нормальны для мальчиков возраста сорок плюс. А я спрашиваю тебя, что можно подарить ребенку, фанатеющего от пиратов.

– Так бы и сказали, – бурчит водила, у которого уши сейчас на два семафора похожи. – Так это, ну... Попугаев они там любят, сабли всякие, а... Вот... Трубу подзорную еще можно купить хорошую.

– В магазин, – коротко приказываю я. – В трубный.

– Это... Ну ок... Понял...

– А потом в ресторан. Пойдешь со мной.

– Так это, я пообедал в чебуречной, прямо до ушей наелся. Рестораны не люблю я...

– Боже, кто сказал, что я тебя буду кормить? Уши у тебя аж светятся, ты точно чебуреки ел? Вадик, ты похож на трехстворчатый шкаф, будешь выбивать из менеджера по персоналу адрес пирата, андестенд?

– Я Владик. И я добрый. Я не умею выбивать.

Бедный Владик. Судя по его голосу, он решил, что зря я отказался от веселого дома с поролоновыми стенами, и теперь думает не отвезти ли меня туда насильно. Походу он боится садиться сейчас ко мне спиной.

– Ладно, ты просто постоишь рядом, – скалюсь я, – трогай Вадик.

– Я Владик.

– Я это запомню, Вадик.

Вот интересно, почему в магазинах теперь не продают подзорных труб? Через час имения моего мозга биноклями, видеокамерами стримминговыми, театральными лорнетами, ружьями для фотоохоты и прочей хренью. Я вывалился из магазина оптики в состоянии близком к умопомешательству, держа под мышкой огромную коробку с прибором неизвестного предназначения, похожим на чертов телескоп Хабл. Один глаз мне прикрыли черной повязкой, которую

я благополучно забыл снять, чтобы удобно было наслаждаться оптикой. Похож я сейчас был не на миллиардера из списка форбс, а на городского идиота.

– Клевая вещь, – оценил мою покупку Владик, пыхтя запихивая покупку в багажник. – Я своему сыну такой хотел взять, да больно дорого. Это, я вас ждал пока, видел попугая в зоомагазине. Клевый. Я очень люблю зверушек смотреть. Петр Дмитриевич. А вы любите животных?

– Избавь меня от идиотизма умоляю. В ресторан, быстро. – прорычал я, обвалился на сиденье и задремал.

Снилась мне свора убогих беззубых калек в треуголках разной степени быдличества, скрипящая шхуна и воняющие водорослями морские брызги прилетающие прямо в мою изумленную физиономию, перевязанную черной повязкой. Такой же вонючий попугай, восседающий на моем плече и тяжелый как кирпич. И, от чего-то гнутая, подозрная труба, зажатая в моей руке.

– Земля! – проорал дурным голосом один из благородных морских разбойников, самый бородатый и беззубый и затряс меня за плечо. – Капитан, полундра!

– Убью. Боцман, выдай этому морскому черту черную метку, – прорычал я и открыл глаза. Уперся от чего-то одним глазом в озадаченную морду Владика, который сейчас определенно раздумывал, не уволиться ли ему.

– Я говорю, в ресторан прибыли, Петр Дмитрич. Может домой вас отвезти, или таблетки есть какие у вас в кармане?

Я выбрался из машины, поднял воротник пальто и пошел к ресторану, пропустив мимо ушей очередной идиотизм шофера. Сменить его что ли? А с другой стороны, зачем мне корифей в обслуге?

– Морду сделай страшную, – приказал я, болтающемуся за моей спиной, «шкафу».

Владик вжал щеки, надул губы и прищурился, стал похож на Никулина, который притворился иностранцем в старом фильме про двух чокнутых стариков. Не то что я испугался. Но стало неприятно. Такой придурок и ножиком может пырнуть в припадке.

– Я сказал – страшную, – выдохнул я и толкнул тяжелую дверь дорогого заведения. – Вадик, не разочаровывай меня.

Да нам и искать не пришлось бабу-менеджера. Она вынырнула из недр харчевни, как черт из табакерки и устремилась в нашу сторону. Владик напрягся и превратился в бородавчатого ога.

– Господин Демьянов, что-то случилось? Я на почту вашей секретарши отправила все документы. Если они не дошли, вы бы могли просто позвонить, я бы продублировала.

– Я не занимаюсь копеечными цидульками. Для этого у меня есть финотдел. Мне нужен адрес официантки, – поморщился я. Голова снова закружилась, в ушах возник уже привычный мне шум. Я достал из кармана леденец и забросил его под язык. Стало немного лучше почти сразу.

– Мы не даем информацию о сотрудниках, – напряглась тетка.

– Владик, – простонал я. В голову впились ледяные щупальцы боли. Амбал выдвинулся из-за моей спины и пошел на несчастную, ни в чем неповинную дамочку с неотвратимостью Рагнарека. Она испуганно отступила на шаг и замерла на месте, уперевшись не мелким задом в стол. – Мадам, мой охранник неуправляем, когда я ему говорю «Фас». А у вас на столах полно колюще-режущих предметов. От вилки, например, в теле остаются сразу четыре лишних отверстия.

Владик взял в лапу столовый нож, который в его длани выглядел зубочисткой. Если уж откровенно, этим ножом кого-то напугать было практически невозможно. Но менеджер лицом сблестнула.

– Какой именно?

– Самой криворукой и дурной. Похожей на волоокую олениху.

– Послушайте, Петр Дмитриевич. Я дам вам адрес. Но будьте милосердны. У Лилии и так жизнь не сахар. И сегодня у ее мальчика праздник. Не портите детям жизнь. Она еще девочка совсем, а на руках...

– Адрес, и бутылку колы с сахаром. Быстро, – из последних сил простонал я. Еще немного и я свалюсь к дешевым бареткам этой дуры. – Вадик, запиши. А мне надо на воздух. И колу. Не переживай, не обижу девку и ее пацана.

– Зачем тогда угрозы?

– В противном случае ты б мне не дала адрес, – скажусь я. В голове расцветают огненные шары.

– Да, не дала бы, – хмурится чертова баба.

– Я колу сегодня получу, мать вашу? – еще немного и я отключусь. Кто-то из моих добрых родителей наградил меня наследственной болячкой, передающейся по мужской линии. Неприятной, но не смертельной. Родителей своих я не знал, поэтому не имею представления, кому обязан постоянными приступами головокружений. Меня бросили в роддоме, как ненужный балласт. И мальчик этот лопоухий оленихин, которого я чуть не сбил несколько дней назад, просто копия того несчастного сироты, выросшего в детдоме.

Дурные мысли. Идиотская ситуация. И сахар, наверняка свалившийся до нуля. Срочно нужно вдохнуть ледяного воздуха. Чертова леденца оказалось мало. Делаю глоток пузырящейся жижи, поданной мне официантом, прямо из горлышка. В голове начинает проявляться.

Плутаем по чертову занюханному гетто мы долго. Квартал, называющийся спальным, выглядит не как милое гнездышко для семей среднего достатка, а как первый круг ада. Серые обшарпанные здания, мусорные баки, покореженный асфальт и полный беспросвет. Тошнота входит в фазу горькой изжоги. Девка живет здесь, и меня это от чего-то злит до ужаса. Она не монтируется с этой действительностью. Слишком чистенькая, чересчур наивная. И мальчишка ее... Он видит каждый день вот это.

– Прибыли. Этот адрес, – выдергивает меня из размышлений голос водилы.

– Ты уверен? – я рассматриваю приземистое крыльцо единственного подъезда в длинном кишкообразном бараке и чувствую, что если переступлю порог этого убогого сарая, меня точно можно будет везти в дурку.

– Ну да. Общага. Может ну его, Петр Дмитрич? Поедем домой, вы коньячку жажнете. Сюда же без охраны нельзя. Там поди крысы толпами шлындают.

– Не неси чушь, – не очень уверенно рыкнул, дернул ручку дверцы, борясь с желанием прислушаться к совету Владика. – Доставай подарок и за мной.

– У меня прививки нет от бешенства, – прогнусил идиот.

– Я тебе сейчас ее поставлю. Самолично. С занесением в личное дело. Шнель...

В подъезде оказалось очень чисто. И пахло в нем домом, чем-то сладким, ванилью и чистящим средством. Владик, пыхтя, волок за мной по лестнице коробку и что-то бубнил себе под нос, на своем идиотском языке. Я замер возле дешевой двери, покрашенной бежевой краской, сверил номер, криво записанный на клочке бумаги с номером на двери и нажал на кнопку звонка.

Дверь приоткрылась, когда я уже перестал ждать и собирался развернуться и позорно смыться. На кой черт я сюда приехал, ответа я так и не нашел в своей шумящей от недостаточности сахара в крови, голове. На меня узкую щель, ограниченную дверной цепочкой, уставился любопытный, почти вишневый глаз мальчишки.

– А мамы нет. Вы чего плишли? – напрягся тезка, высунув в щель еще и насупленный крохотный нос. – Если еще лаз полугаться, то вы опять козел.

– А ты почему дверь открываешь всем подряд? Мама не учила, что нельзя незнакомцев впускать? – господи, что я несусь? Я же не знаю с какой стороны подходить к сопливым детишкам, а строю из себя Макаренку, хотя выгляжу скорее всего как скот и маньячелло.

– Я тебя знаю, так-то. И это... Я на табуретку встал и в глазок посмотрел, и... В общем я подумал, что ты... Ну, у тебя повязка на глазу... Слушай. Дядька злой, покажи ногу, а?

– Это еще что за новости? – ошалело спросил я. – Какую ногу?

– Плотежную. Блюки сними я посмотрю, сбылось мое желание или нет.

– Слушай, мальчик, ты нормальный?

– Мама говорит, что самый лучший. Ноги показывай, или пловаливай, – насупился мелкий сектант. Я задрал брючину, чувствуя себя персонажем театра абсурда. Владик за моей спиной кашльнул и хрюкнул, подлец. Пацан разочарованно вздохнул. Явно мои волосатые конечности не произвели на него впечатления. – Эх. Ты плишел то чего?

– Принес подарок, – ухмыльнулся я, как злобный пират и только теперь понял, что вижу одним глазом. – Впустишь?

– А ты меня не уложишь?

– Нет, конечно, – можно подумать похититель глупых ушастых мальчишек сказал бы обратное. Мол, конечно не украду. Только дам тебе сладкую конфетку. Когда я найду его горе мамашу, сделаю ей внушение, что пацана надо... Черт, а мне на кой хрен это надо? Вот это вот все вообще. Зачем я тут?

– Заходи, – пробубнил мальчишка, впуская меня в прихожую размером с мышиную нору. – Мама у тети Любы, они мне сюпплиз делают. А я, типа, не знаю об этом.

Глава 5

Лилия

– Что это? Мося, старый ты зюфель, ты мене в гроб вгонишь. Это что по твоему? Шарик на детский праздник? Это, Мося, золотистые надутые гондоны.

– Шо ви такое буровите, Бейся? У мене только первосортный товар. Первосортный. Не делайте мне мозг. Я в етом бизнесе собачку скушал. Таким людям праздники делал, тебе и не снилось.

– Делать то ты делал, да поди потому хромаешь. Выдрали тебе старые твои костыли и воткнули потом обратно не тем концом в тухэс. Старый ты стал, Мося. Этими твоими хандонами тока баржан украшать. Вей з мир, ты совсем к старости геволт стал, – театрально воздела к потолку руки тетя Люба. Я продолжила привязывать шарик и вправду, подозрительно похожие на то, чем их обозвала моя добрая фея. Но, дареному коню же не смотрят в зубы.

– Ой, вей молодая, пэском посыпали весть квартал, не упадешь на коньках, – буркнул Моисей Соломоныч, предварительно сделав несколько шагов в направлении двери.

– Я молодая. Мне дохтур вчера сказал, что грудь у меня как у тридцатилетней, – подбоченилась тетя Люба. Я постаралась слиться со стеной. Мося нервно дернул шеей.

– А за семидесятилетнюю жопу он вам ничего не сказал? – хихикнул видимо посчитавший себя бессмертным праздничный бизнесмен.

– Нет, Мося, за тебе он не спрашивал, – фыркнула тетя Люба. – Не с вашим еврейским счастьем тут кадухис чушь нести. Работайте Мося. А ты что встала? – переключилась на соседку Катерину тетя Люба. Я выдохнула, чувствуя, что еще немного и я просто сбегу, пока очередь не дошла до моей молчаливой персоны. Да и Петенька там один уже почти час. Я никогда не оставляю своего мальчика так надолго хозяйничать самостоятельно в нашем с ним жилище.

– Шо это? Я тэбэ спрашиваю, Катя? Это торт? Это руины старого сарая. Поди на нэфте-продукте его гондобила?

– Ну что вы, тетя Любочка, чистое маслице. Все кошерно. И розы. Смотрите какие я розы сделала.

– Кошерно, – хмыкнула тетя Люба, ткнув пальцем в действительно шикарную розу. – Маслице, а зохн вей. Не было бы маслица, помирай еврей. Шо замер, Мося, хандоны закончились? Хватит пуговицы крутить. Сделаешь дело, получишь кецык этих развалин. И не спрашивай меня за деньги, какие счета между своими?

– Но...

Тетя Люба шустро метнулась к двери, не слушая расстроенного Моисея. Я завязала последнюю веревочку и чуть не свалилась с табуретки от неожиданности. В кармане зазвонил мобильник. Яростно и тревожно, как мне показалось.

– Сонь, я не выйду сверхурочно, – не дав сказать и слова начальнице зачастила я. – Ты же знаешь, у Петюши праздник сегодня. Мы сейчас готовимся. Не уговаривай даже.

– Демьянов тебя разыскивал, злой как диплодок. Вот скажи мне, ты никому не могла яйца другому подмочить? Как специально выискиваешь на жопу приключений, – впился мне в мозг истеричный шепот начальницы и по совместительству моей лучшей подруги. Я покачнулась, схватилась пальцами за подоконник, чтобы не свалиться от страха. – Требовал адрес твой.

– Ты же не дала? – с замиранием сердца поинтересовалась я. – Не дала?

Соня промолчала. Я задохнулась от предчувствия армагеддона.

– Он меня пытал. Хотел вилок пырнуть, – хныкнула Софья. Софья, которая никогда никого не боялась в своей жизни и трудовой деятельности. Софья, которая работала до шикарного ресторана в таком адском месте, что не каждый огромный мужик бы справился. Милое местечко в народе метко называлось от «Заката до рассвета» потому что в нем куртуазные посетители после двенадцати ночи превращались в кровожадных вампиров и прочую нежить, крушили, ломали все на своем пути. Дрались до полусмерти и абсолютной потери сознания. Софья, которая раскидывала эту толпу, как щенков при помощи биты и виртуозного мата. А тут вдруг она испугалась интеллигентного бородатого мужика?

– С ним был такой боров с мордой убийцы, – простонала трубка голосом Сони, – узкоглазый и оскаленный, похожий на киллера. Черт, Лилка, может у меня с Петюшей поживете, пока...

– Пока что? – вздохнула я, метнувшись к двери. Мне срочно нужно домой, к моему сыну. – Пока нас не приехали вилами пырять? По твоей милости, между прочим.

Пронеслась мимо тети Любы, рассматривающей крошечного шенка, которого держал в ручищах местный алконавт по прозвищу Синявкин. Может с собой его позвать? Он огромный и устрашающий. Господи, что нужно от меня этому зажавшемуся богатею? И почему мой сын так похож на этого самовлюбленного мерзавца?

– Лилечка, посмотри цуцик какой, – крикнула мне вслед тетя Люба.

– После. Тетя Любочка. Мне срочно нужно увидеть Петюшу. Вы же знаете, он не может и минуты без шалостей, – крикнула я на бегу.

– Дык это, не один он, – словно выстрелили мне в спину Синявкин. – Я думал папанька евовойный объявился. Уж больно похожий. Глаза такие же бандитские, как у твоего то. Я вона седня чуть вычистил ванную то вашу. Чем он ее набил то?

– Тестом, – обмирая от ужаса, простонала я.

– Эй, Лилек, ты чо? Незвный гость чоли? Неужто ж маньяк? Так я его сейчас...

– Не нужно, – улыбнулась я через силу. – Я сама.

До своей двери я не помню как дошла. Как в тумане. Услышала смех, несущийся из-за хлипкой филенки, прижалась спиной к стене. Надо взять себя в руки и выгнать проклятого мужика из моей жизни и моей квартиры. И ничего они с Петюшей не похожи, и имя – просто совпадение. Мама не сказала мне, кто Петин отец, и мне это знание абсолютно ни к чему. Это мой сын, не отдам никому. Загрызу любого за моего ребенка. В груди завихрилась злость. Я толкнула дверь, ослепнув от яростного желания защитить моего сына.

– Ма, смотли, кто плишол, – радостно бросился мне навстречу Петюша. – Дядька злой совсем не злой. И я его плигласил на свой плазник. Плавда здолово? Он мне подалил этот, как его? Теплекспок. Это как тлуба подзолная, только большая и можно звезды видеть близко-близко. Можно он плидет? Можно, можно, можно?

– Какого лешего вы делаете в моем доме? – рявкнула я, подхватив сына на руки. Уставилась на проклятого нахала, развалившегося по-хозяйски на моем диване.

– Ну, во-первых здравствуй, Бемби, – ощерился он. У меня в груди расцвел огненный шар страха. – Во вторых, я не к тебе пришел, а к имениннику. Ты же гордая. А в третьих...

– А в третьих, убирайтесь и больше никогда не подходите ни ко мне, ни к моему сыну, – зашипела я, когда Демьянов поднялся с насиженного места и с грацией хищного кота пошел в нашу с Петюшей сторону.

– Мам, ты чего? Он холоший. Он сказал, что ты залплату забыла заблать. И еще... Я подумал, что он мой папа. Только у него нога не делевянная, но повязка была у него на глазе. Жалко, он бы с нами жить мог тут. Мы бы с ним в сундук мелтвеца иглали. И еще, он сказал, что будет со мной длужить, – прошептал мне в ухо мой малыш. Господи, он лишен самого важного, мужского воспитания. Ищет себе друга в этом мерзавце, которому мы интересны как лабораторные мыши. И я ничего не могу поделат с этим. – Мам, я его плигласил. Так нельзя.

Я мужчина, а ты мое плиглашение не лазлешаешь. Пускай он плидет. Ну мамочка, ну мой же день лождения.

– Так что, Бемби, я остаюсь? – мурлыкнул Петр Демьянов. – И еще, Петька, покажи маме чему мы научились.

– Тррррр, – вдруг зарычал мой мальчик. – Дядька сказал, что так его учили в каком то там доме, детском влоде, говолить букву тррррр. ма, что такое этот дом?

Я вздохнула. Два года хождений по логопедам, куча заплаченных денег, потраченных нервов и абсолютно нулевой результат. И тут появляется этот хамский нахал и опа...

– Так что, мама Лиля, праздник у меня будет сегодня? Я страшно люблю есть на обед торты и глотать напуганных одиноких мамочек. А потом...

– Потом не будет. Только ради Петюши. И вообще, чего вы к нам пристали?

– Я не знаю, – совсем по-человечески и удивленно сказал Демьянов. – Но обязательно это выясню.

Сердце в моей груди пляшет лезгинку.

– Ну все, идемте скотррреее плаздновать, – скачет вокруг нас, замерших друг против друга Петюша, маленьким беззаботным щеночком. А Владик тоже пойдет? Владик такой злоловый, ваще. Как слон, только без хобота.

– Еще и Владик? – шепчу я, не в силах отвести взгляда от глаз незваного гостя. Они карие. Почти вишневые, и родинка над губой у этого страшного мужика... Не может быть. Так не бывает. Разве что в индийском кино. Пол под ногами качается как палуба пиратского корабля. Демьянов улыбается открыто, но его улыбка кажется мне угрожающей.

– Владик подождет в машине.

– Не нужно, пусть идет с нами, – хриплю я, в надежде, что при постороннем человеке этот страшный людоед меня не сожрет и не высосет из меня душу.

– Он водитель. Обслуга. Его работа ждать.

– Он человек, – кривлюсь я в искусственной улыбке. – Такой же, как вы и я и Петюшка. Не стоит учить моего мальчика тому, чего он никогда не поймет и чему не научится. Мы с вами разные. У нас ничего нет общего. Я надеюсь вы поймете это и оставите нас в покое. Сегодня я просто не хочу разочаровывать сына. Но потом...

– Как знать, – перебивает меня мой мучитель. – Слушай, я что такой противный? Вроде душка, подарок купил, мальчика развлек. Детка, ты ко мне несправедлива, или равнодушна?

– Что вы несете? Просто мы с вами из разных вселенных. – шепчу я. Его лицо слишком близко, глаза сужены. Я чувствую горячее дыхание и умираю от странного возбуждения, смешанного даже не со страхом, а с леденящим ужасом.

– Ладно. Бемби, я тебя понял. Я вам не нужен. Вы мне тоже, в принципе. Просто скучно стало. Мир?

– Мир, – киваю я. – И такие дорогие подарки мы не принимаем.

– А мне пофигу. Подарки неотдарки. Неужели ты расстроишь своего мальчика? Слушай не глупи. Я недолго побуду, потому что обещал, схем кусок омерзительного торта и уйду. И ты права, мне на фиг не нужна головная боль. Не знаю, зачем я сегодня пришел.

Слава богу. Слава тебе господи. Пусть он исчезнет из наших с сыном жизнью навсегда. Я так этого хочу. Хочу?

Глава 6

Петр Демьянов

Впервые за много лет я чувствовал себя счастливым. В последний раз подобие настоящего удовольствия я испытывал заработав первый миллион. Вся остальная моя жизнь вот именно сейчас казалась мне профанацией и фальшивкой, прикрытой красивым фасадом успешного члена общества. Успешного? Чего я добился за годы своего триумфа, кроме того, что научился не считаться ни с кем, кроме себя, ломать тех, кто мне мешает и чихать на всех? Даже семьи нормальной у меня не вышло.

И теперь я сидел за деревянными убогими столами, сдвинутыми буквой «П» в холле нищей общаги, в компании людей, с которыми раньше я бы и разговаривать не стал, ел самый вкусный в моей жизни торт и улыбался так, как давно не улыбался: искренне и до боли в челюстях.

– Это шо, цымес? Катька, твоими лепешками только окна замазывать, чтобы не дуло, – проворчала сидящая во главе стола тетушка. – Вот за Цилиной «Сказкой» в очередь выстраивались. Ехали черте откуда, чтобы хоть кецик урвать. А это что? Что это, спрашиваю? У торта не может быть буржуинского названия. Поняла?

– Конечно, – улыбнулась миловидная девушка, тепло глянув на ворчунью. Черт, у них совсем все иначе у этих людей. Нет зла. Нет ненависти. Живут коммуной и рады? Это какой-то страшный сюр, коммунизм в отдельной общаге. Но мне нравится. И Владик хохочет во все горло, явно чувствует себя тут в своей стихии.

Бемби сидит рядом, молчит, как воды в рот набрала. Следит за каждым движением своего лопухого идола. Странная. Маленькая, словно птичка райская. Нос этот ее кнопкой, кажется все время насупленным.

– Мама сказала, что ты не колсал, – хихикнул Петька, появившись рядом со мной. У него наверное где-то в мелком задку спрятан вечный двигатель. Не могу понять, как его мать успевает следить за всеми его перемещениями. Я бы давно сошел с ума. – И что скотрррро все тррравно уйдешь, потому что ты не можешь длужить с маленькими мальчиками. Потому что Батрррмалеи не умеют этого.

– Правильно мама говорит, не корсар, хоть и противоречит себе. Между прочим Барма-лей был пиратом, – притворно хмурю я брови. Мордашка мальчика разочарованно вытягивается, но тут же расцветает улыбкой, – потому что я флибустьер.

– Ооооо, ооооо, – задыхается от восторга мой тезка. – Тебе некогда птрррросто, да? Пойдешь болоздить плостолы молей и океанов? Только это, а кто это флибустьел?

– Это свободный моряк, бороздящий моря...

– И грабящий таких же свободных людей, – ухмыляется мелкая нахалка, выросшая словно из воздуха. Обнимает за худенькие плечи своего сына. А мне кажется я куда-то проваливаюсь. Эта ее улыбка, мягкая и всепонимающая... Я точно уже ее видел. – Вы сказали, что только торта поедите.

– Мам, ну чего ты? Сколо же плидет аниматол. Ну пусть флибубандел позырит птррррред-ставление. Где он еще увидит такое? В океане же нет аниматолов. Ну мам. Тетя Люба сказала, что все должны увидеть, – дует губки мальчик. Наверное мне и вправду пора. Надо уносить ноги из этого безумия и прислушаться к советам Бемби, больше никогда не подходить к этой женщине и ее мальчишке на пушечный выстрел.

– Да, Бемби, где я еще увижу действо? – ухмыляюсь, вопреки орущему об опасности чувству самосохранения, которое еще ни разу в жизни меня не подводило. – Не будь злючкой, тебе не идет.

– Петюша, проверь, пожалуйста, всем хватает вкусовостей? – теперь она улыбается через силу. Легко подталкивает в спину моего заступника. Он с готовностью бросается исполнять просьбу любимой матери. – А вам не идет быть душкой. Что вы хотите от нас?

– Я? От вас? Ты что-то путаешь, куколка. Обычно все чего-то хотят от меня. В твоём случае ты или идиотка или блаженная. И мне просто интересно.

– То есть для вас мы просто развлечение? Ну что ж, я не ошиблась в вас. Петр Дмитриевич, – ухмыляется она, от чего ее лицо кажется каким-то горьким. – Вы даете Пете иллюзию того, чего у него нет, и вряд ли случится. Он маленький и не понимает пока, что не все люди добрые и человечные. Не умеет пока отличать черные души. И в вас он видит... – она запинаясь на полуслове и в глазах ее медовых плещется страх, будто сболтнула лишнее...

– Кого? – выдыхаю я.

– Это совсем не важно. Вы...

– А теперь фраера, цирковые номера, – громогласно оповещает тетка, сидящая во главе стола, стучит ложечкой по бокалу, призывая всех ко вниманию. Разрушает наш с Лилией разговор, словно ураганом. Недосказанность повисает в воздухе, наполненном резкой тишиной. Странно, все молча слушают смешную тётушку.словно она тут царица и богиня. – Энтот бокал полный «Буратиной» до краев, я поднимаю за мелкого шлимазла, по вине которого мы все тут собрались, даже те кого не звали. Так вот, этот мелкий рахит в панамке нам всем как родной стал, а его геволты притча во языцах. Взять хотя бы подожженные занавески в холле. И баретки никто больше не оставляет у дверей, после того, как он их залил бетоном, свистнутым у строителей. Так вот, нам бы было скучно без Петюши. И сегодня к нему в гости пришел настоящий корсар. Аплодисменты, дамы и поцы, перед вами...

Раздался громкий хлопок. И из клубов дыма появился... Появилось...

Тетка захлебнулась лимонадом. Народ безмолвствовал. Реально, тишину можно было потрогать. Я тоже, если честно, слегка одурел, когда на лобное место между столами выскочило... Даже не могу описать, что. Пират, заявленный тамадой, выглядел как побывавший в боевой мясорубке морской еж. Шляпа, выдавшая лучшие времена дымилась в его руке, сквозь прорехи в тлеющей тельняшке проглядывало морщинистое тело старого морского волка, давно находящегося в деменции, судя по одуревшему выражению написанному на хитрой физиономии столетнего аниматора. Обувь на пирате не было, зато носки полосатые с вензелем и дырками на больших пальцах взгляд ласкали красотищей. Как по мне, «Одноглазый Джо» сейчас в пространстве почти не ориентировался. Пластмассовая сабелка в дряхлой дрожащей ручонке оплавилась и повисла грустной сосулькой почти до пола.

– Таки полундра, – простонал дедок, и затряс головой как ишак.

– Таки да, – глубокомысленно протянула тетя Люба. – Мося, у вас есть что мне сказать? Я заказывала аниматора, а не труп старого поца, в самом что ни на есть эротическом смысле этого слова. Мося, я тэбэ сейчас буду бить, ногами и больно, – хмыкнула тетя Люба и восстала из-за стола. – Подержите мой макинтош, Владик.

– Не надо, Бэйся, – хрюкнул дедок, пятясь спиной к подозрительно закопченному дверному проему, из-за которого выглядывал Петюша, блестя своими škодливыми глазенками. – Я не виноват. Хотел просто эффектно появиться, но что-то пошло нэ так. Раньше срока подорвалась бомбочка. Странно это. Я все проверил. Кто-то же должен был ее...

– Ты пошел нэ так, Мося. Бодро на три буквы, – хмыкнула тетушка, обвалилась на свое место и захохотала. Народ зашевелился тоже. – Боже, пират, подштанники то не уделал от страха? В твоём возрасте, Моисей, надо клистиры себе ставить, а не скакать козлом с соплей в руке.

– А мне понлавилось, – радостно заскакал вокруг «погорельца» Петюша. Опасность миновала, и он выскочил из своего укрытия, как ни в чем не бывало. – Так долбануло, что у аниматола шляпу снесло и он из сапогов выскочил. Плям до потолка, а потом как...

– Так это ты, взорвал бомбочку, – наконец отмер аниматор, – о боже, еврейское мое счастье. Ты Бейся мне заплатишь за шарики и за анимацию полную сумму.

– Ха, за гондоны и ссыкло? Мося, вы много себе думаете, – заколыхалась тетушка.

– Я заплачу, – выдохнул я. – Такого праздника у меня никогда не было. Никаких денег не жалко.

– Нет. Ни копейки от вас не надо, пожалуйста.

– И ни от кого не надо, да, Мося? Или вспомнить, как ты бил бизнесменом и продавал рибу...? Уберите гаманок, юноша. Мося пәредумал.

– Да. Бейсенька. Пошутил я, – проблеял старичок.

Бемби задрожала губешкой своей и у меня сердце заплясало пиратскую румбу. Ах, как она меня сейчас сжигала своими чертовыми глазищами. И столько в них было неприкрытой ненависти, что мне стало больно в груди. Блядь, да что происходит? Я поднялся с шаткой табуретки и молча пошел к выходу. Владик нехотя поплелся за мной.

– Эй, – флибустррррер, ты куда? – звонкий голосок ребенка словно стрела вонзился в мою спину. Я не оборачиваясь прибавил шаг. – Мне подалок будут датрррррить чичас. Я думал... Я думал ты посмотррришь.

– Твоя мама права, – прохрипел я, замерев на месте. Обернулся напрасно, потому что увидел скуксившееся детское личико испытал приступ неведомой мне жалости. – Я дурацкий Бармалей. И я не люблю маленьких детей. Я их кушаю на обед.

– Влешь ты все. Плосто ты трррррус, – выкрикнул мальчик и бросился бегом из праздничной комнаты. Лилия побежала за ним.

– Я схожу за шлимазлом, – опередила ее распорядительница бала. Ты тут посуетись, Лилечка. Мося, за мной. И саблю свою возьми.

Дед метнулся за своей лютой подружкой, как корабельная крыса. А Бемби замерла напротив, не обращая внимания на народ вокруг, который бы меня порвал, скажи она фас, я уверен.

– Я же говорила, что вы испортите моему сыну первый в жизни юбилей. Вы... Злобный, нехороший, гадкий бармалей. Не подходите больше к моему мальчику.

– Да, иди домой, парень, – появился за спиной Лилии огромный, воняющий сивухой мужик. – Тут у нас таких не любят. Не место тут таким. Вот, тетя Люба велела тебе передать.

Мне в руки воткнулся пластиковый контейнер, одурительно пахнувший ванилью. А ведь они правы. Я из другого мира. И делать мне тут нечего. Просто показалось, что я... Нет, показалось. Я король мира. И этот сброд просто очередная моя прихоть.

– Владик. Дверь мне открой, – прорычал я, сделал один шаг, которого хватило, чтобы снова стать собой.

Глава 7

Лилия

Только не плачь, мой мальчик. Только будь всегда счастлив. Я обещала, что укрою тебя от любых бед и проблем. Прости, наверное, у меня не очень хорошо это получается. Но я точно знаю, что люблю тебя больше жизни. Мне сказали когда-то, то нельзя растворяться в тебе. Какая глупость. Ты, лучшее, что у меня есть.

– Давай уже, открывай коробку, шлимазл. И перестань краснеть своими выдающимися ушами. Мося, сделай красиво. Фото завтра будут в стэнгазете, – иерихонской трубой, чересчур бодро, гудит странно красноносая тетя Люба, подталкивая моего зареванного мальчика ко мне. Я стою с коробкой, в которой тихо-тихо сидит цуцик. Слабая замена огромному флибустьеру, подарившего глупую надежду маленькому мечтательному мальчику. Этот Бармалей не может сделать счастливым никого, кроме себя. Он не умеет этого. Зато умеет разбрасывать крохотные кусочки льда, оставляющие в сердцах всех, к кому он приблизился почти незаметные, но очень болезненные ранки. И я не смогла уберечь моего ребенка от этой мерзкой боли.

– Давай, Петюша, он тебя зажался, – улыбаюсь я. Дети умеют излечиваться очень быстро. Они регенерируют. Забывают все самое дурное. А в коробке давняя мечта моего сына. Он очень хотел собаку. Молодец, все таки, тетя Люба. Сама бы я вряд ли решилась взять на себя еще одну большую ответственность.

– Я не хочу тррробо пса, – всхлипывает мой мальчик. Сжимает кулачки, до побелевших костяшек. Жаль, что он так рано познал истину предательства и обманутые надежды.

– Ой. Не хочет он. Не нравится, нэ кушай. Мы чичас этот подарок отнесем другому рахиту. Который умеет быть благодарным, – хлюпает носом тетя Люба. – Все тут за него старались, – обводит рукой замерших в нетерпении гостей. – Все ждут, что праздник вернется в свое русло, веселое и беззаботное. А он фардыбачится.

– Открывай уже подарок, Петро. Дюже «Ситра» хочется бахнуть. Трубы горят, прям как у реактивного катера, – хмыкает Синявкин.

– Ой, катера, держите менэ Мося. Лапоть ты штопанный бэз мотора, Синявкин. Ситра ему полведра. Мося, выдай этому поцу Боржома.

– Ну же, милый, он так ждет тебя, – шепчу я моему мальчику, в глазенках которого наконец зажигаются огоньки любопытства. – Мы назовем его Пиратом.

– Я больше не люблю пилатов. Ма, что там?

– Открой и узнаешь. Только аккуратно.

Петюша открывает коробку, а я замираю на месте. Смотрю, как глаза ребенка расширяются от восторга, из них брызжут слезы. Но теперь уже радостные. Крошечный щенок испуганно жмется к груди своего маленького хозяина, тычется мордочкой.

– Ну вот, опять ревет, что ж ты Петька, прохудился что ли? – смущенно вытирает кончиками пальцев слезинки на своих щеках растроганная фея крестная. – Радоваться надо, семь сорок сбачать с выходом. А потом... Дискотэка.

– Это мой...? Мой? Мой пес? Мой... – от восторга Петюша теряет некоторые буквы. И забывает все свои разочарования.

– Цуцик, такой же как и ты, – бубнит тетя Люба. Все оживают. Праздник продолжается.

– Это тетя Люба придумала, – шепчу я в макушку сына. – Знаешь, я рада, что нас теперь будет трое. Но ты должен быть ответственным. Завтра пойдем в магазин, купим все...

– Батррррмалею, – улыбается от уха до уха мой сын. У меня сердце замирает. – Его будут так звать.

– Почему?

– Мне нлавится. И у него пятнышко на глазу. Как повязка. И наплевать, что тот дядька снова стал злой. Он, значит, не по настоящему со мной длужил. А те кто не умеет длужить, те не пилаты, и совсем не флибусрррреры и идут в тухес, вот. Но в теклепснок я буду смолеть. Вдлуг папу моего в него увижу. Он, навелное, на луне тепель. А что, и космические пилаты бывают. Бывают же?

– Бывают, – целую в солнечную макушку моего мальчика. Щенок недовольно мурзится. Надо же, защищает уже, принял за своего. – И не повторяй за тетей Любой ругательства.

– Ладно. Тухес нельзя, в жопа мождно тогда? А Батррррмалей вытррррастет огломным и дядек злых будет слазу плогонять. Да, собаки чувствуют плохих дядек.

– Ой, куда он там вырастет? Кабыздох обморочный. Будет размером с ботинок, – подает голос Бэйся, как ее зовет Моисей. – А поц тот не заслуживает ни одной твоей слезинки, Петюша, раз он не понял, какой ты есть замечательный. Правда же, Лилечка? Он торт то взял, мерзавец этот? Шобы то торт ему не тем горлом пошел. Хорош, конечно, чертяка. Но дурак дураком. Вот ведь, как бывает. Снаружи конфэтка, а внутри говна мешок. Ох, беда то.

– Петь, мы того дядю не знаем совсем, – выдыхаю я. – Забуди, давай лучше праздновать. У нас еще столько интересного впереди. Только отнесем Бармика.

– Холошо. А он там не заботится? Ему, навелное надо молочка дать. Мам, а он со мной спать будет? А мы ему купим поводок? А косточку?

Детский разум прекрасен. Он позволяет маленьким людям забывать все дурное, почти сразу. Помогает вычленить главное. Дети мудры. Гораздо мудрее глупых взрослых, перемалывающих в мозгу обиды, разочарования и страхи. И это большое счастье.

– Спать он будет на подстилке, мы ему купим мягонькую и теплую. И мы будем счастливы, Петька. Ты мне веришь?

– Конечно, – не сомневаясь ни минуты кивает мой мальчик.

А я верю в свои слова? Мне очень хочется, правда. Но... Вишневые глаза флибустьера не дают покоя моей испуганной душе.

– Мам, а можно мне еще толтика...? Только быстрррее, – Петюша бледнеет прямо на глазах. Я с ужасом смотрю на сына, который вот-вот, кажется, свалится. Боже, что с ним?

– Что с тобой, милый?

– Не знаю, шумит что-то и клужится. И хочется толта и лимонада.

Мне кажется я сейчас умру от ужаса. Щенок скулит в руках Петюши, вертится. А я вижу только мертвенную бледность на щеках моего сына.

– Ох, шлимазл. Спокойно, просто перенервничал мальчонка. У него бывает, частенько, – словно из воздуха появляется тетя Люба со стаканом сладкого напитка. Петюша делает глоток и розовеет. Расцветает улыбкой. Обычной и абсолютно детской. Словно и не было с ним ничего. Ребенок, здоровый и шустрый.

– И вы мне не говорили? – шепчу я, все еще не в силах отойти от испуга.

– Тю, а чего тебя пугать то? Я Фае позвонила. А она Мусеньке, а Мусенька Соломон Палычу. А Соломон Палыч прохфэссор педиятрии. Так он сказал Мусе, что это от роста быстрого. А Муся сказала Фае, шо надо просто сладкого давать. Ну и... Ладно, завтра поедем к Соломону. И не смотри так глазами. Я детей то перенянькала.

– Я отпрошусь с работы на завтра, – господи, скорее всего тетя Люба права. Я просто перенервничала. – Вроде нет у нас мероприятий. Подменюсь...

– Ша. Сама скатаюсь со шлимазлом к Моне. А ты работай иди, чай теперь и кабыздоха кормить надо. А Моня любит чаи распивать, да за жизнь калякать, вернемся к вечеру. Вон Синявкин отвезет. Да, Борся.

– Что? – оживился Синявкин.

– Говорю, да? – хмурится Бейся. Этот ее взгляд обычно хорошего не предвещает, поэтому ее визави и сейчас кивнул с готовностью, даже не зная, что ему предстоит.

– Вот и славно. Значить, завтра свой шарабан вк десяти утра подашь к подъезду.

– Дык, я хотел... Это...

– Знаем мы чего ты хотел то. Но учти, промохаешь нам выезд, я с тэбэ сдеру шкуру, потом натяну обратно мэхом внутрь и скажу, что так було.

– Пропал день, – бурчит Борис. – Из жизни вон.

Остаток вечера проходит восхитительно. И все мои страхи отступают, сменяясь легкостью и благодарностью к этим людям, ставшим нам с Петей настоящей семьей. Малыш здоров и счастлив. Я слежу за каждым его шагом и не вижу никаких отклонений. Наверное и вправду перенервничал. И я перенервничала. Все будет хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.